

## ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

При изучении генезиса капитализма и современной западно-европейской цивилизации давно стало общепринятым ссылаться на знаменитую «Протестантскую этику и дух капитализма» Макса Вебера. Как известно, этот знаменитый немецкий социолог выдвинул тезис, что именно реабилитация протестантами стремления к обогащению сыграла ведущую роль в формировании новой хозяйственной этики. Не случайно первыми на путь капиталистического развития вступили именно те страны (прежде всего, Голландия и Великобритания), где победила Реформация.

Однако предложенное М. Вебером объяснение взаимосвязи Реформации и «духа капитализма», основанное на особенностях протестантского вероучения, является отнюдь не единственно возможным. Любопытно отметить, что ту роль капиталистической «закваски», которую в Западной Европе играли протестанты, в России нового времени во многом выполняли старообрядцы, хотя в их вероучении нет ничего похожего на реабилитацию богатства.

Современные немецкие экономисты-историки Саша Беккер и Людгер Вёсмманн из Центра экономических исследований Мюнхенского университета недавно предложили альтернативное объяснение роли протестантизма в генезисе капитализма\*. Смысл их концепции состоит в том, что более высокое благосостояние тех регионов, в которых проживали протестанты, объясняется более высоким уровнем человеческого капитала: сторонников лютеранской реформации учили читать Библию на их родном языке.

Эконометрическое тестирование этой теории проводилось С. Беккером и Л. Вёсмманном по базе данных из 452 земель родины М. Вебера — Пруссии конца XIX в. Авторы расценивают свою работу как первое эмпирическое тестирование веберовской теории на субнациональном уровне. Выбор этого case-study обосновывается тем, что население Пруссии очень четко делилось по вероисповеданию на протестантов (почти 2/3) и католи-

\* Becker S.O., Wößmann L. Was Weber Wrong? A Human Capital Theory of Protestant Economic History // The Quarterly Journal of Economics. 2009. Vol. 124. № 2. Pp. 531-596. С ранней версией данной работы можно ознакомиться в Интернете. – Режим доступа: <http://pub.ub.uni-muenchen.de/1366/1/weberLMU.pdf>

ков (1/3), каждая из конфессий имела свои ареалы доминирования. Кроме того, клиометрический анализ облегчался высоким качеством данных Бюро статистики Пруссии (Prussian Statistical Office — Preussisches Statistisches Bureau; Konigliches Statistisches Bureau — главный источник демографических данных). Первое исследование грамотности в Пруссии было проведено еще в 1871 г., поэтому немецкие экономисты-историки получили возможность работать с информацией об уровне грамотности по разным регионам Пруссии — католическим и протестантским.

В качестве подтверждения базовых положений теории человеческого капитала применительно к своей гипотезе, немецкие экономисты-историки описывают обнаруженную ими значимую взаимосвязь между расстоянием от земель до Виттенберга (центра Реформации в Германии), долей протестантов в населении земель и грамотностью. Их модель основана на предположении о том, что Реформация была экзогенным событием, сгенерировавшим случайный шок, распространявшийся концентрически от Виттенберга по всей Германии. В качестве подтверждения этой концепции они ссылаются на обнаруженную ими независимость расстояния от Виттенберга и серий прокси-переменных, характеризующих развитие экономики и образования в долготеровское время (до 1517 г.), включая размещение школ, университетов, монастырей, свободных имперских и ганзейских городов, а также процессы урбанизации. Учитывая, что законы и прочая институциональная структура были примерно одинаковы по всей Пруссии, С. Беккер и Л. Вёсманн утверждают, что предположение об институциональной гетерогенности можно исключить, приписав обнаруженные ими различия именно конфессиональным факторам.

### **Протестантизм как стимул экономического роста**

Результаты исследования С. Беккера и Л. Вёсмана хорошо согласуются с данными предшествующих научных исследований, в которых, в частности, сообщается о более высоких темпах экономического роста в преимущественно протестантских землях в период 1820–1950 гг. по сравнению с преимущественно католическими землями. Кросс-секционное исследование социально-экономических показателей 1900 г. по различным территориям Пруссии также позволяет отметить более высокий эко-

номический уровень (например, более высокие средние доходы) в большинстве протестантских провинций.

Сетуя на недостаток микроэкономических данных, авторы исследования, тем не менее, нашли свидетельства о том, например, что дети протестантов в провинции Баден в 1885–1895 гг. были более, чем дети католиков, склонны посещать учебные заведения, готовившие к техническим и коммерческим профессиям. За десятилетие до работы Беккера-Вёсмманна Джордж Беккер выявил позитивную корреляцию между протестантским вероисповеданием и выбором высокооплачиваемых профессий<sup>1</sup>. А К. Голдин и Л. Катц обнаружили, что в американском штате Айова в 1915 г. протестанты зарабатывали больше католиков<sup>2</sup>.

К этим данным С. Беккер и Л. Вёсмманн добавили свой анализ уровней доходов по провинциям Пруссии в 1870–1880-х гг. Лучшей прокси-переменной оказались бюджетные поступления от подоходного налога в 1877 г. Величина удельного подоходного налога, как показали расчеты, значимо положительно коррелирует с долей протестантов в населении по 426 провинциям (коэффициент корреляции 0,13 статистически значим при 1% уровне). Удельные подоходные налоги в 225 преимущественно протестантских провинциях были на 9,1% выше, чем в 102 преимущественно католических провинциях (к первым относились провинции, в которых протестантов было более 80%, к последним — те, где протестантов было менее 20%).

Другой индикатор экономического развития, использованный авторами, — это доли рабочей силы, занятой в производственном секторе и секторе услуг. К последнему относились торговля, транспорт и страховое дело. Доля занятых в данном секторе также оказалась значимо обусловлена протестантизмом (коэффициент корреляции 0,1 значимый при 4% уровне).

Если исключить две провинции, Рейна и Вестфалию, которые включали в свой состав Рурскую область с высокоразвитой угольной промышленностью, то по данным за 1882 г. можно также получить положительную корреляцию доли занятых в производственном секторе с протестантизмом (коэффициент корреляции 0,10 значимый при 8% уровне). Для несельскохозяйственного сектора в целом также получена положительная корреляция доли занятых с протестантизмом (коэффициент корреляции 0,13 зна-

чимый при 2% уровне). Доля занятых в несельскохозяйственных секторах по 223 преимущественно протестантским провинциям оказалась в среднем на 3,5 процентных пункта выше, чем в 45 преимущественно католических провинциях.

Наконец, даже в современной Германии доходы протестантов на 6,9% превышают доходы католиков.

Таким образом, в русле концепции М.Вебера, еще раз получено подтверждение факта получения протестантами более высоких доходов.

### **Дух капитализма — в образовании, а не в протестантской этике!**

Полемизируя с Вебером, С. Беккер и Л. Вёсмман предложили свое объяснение экономического преуспеяния протестантов, отличное от веберовской концепции. Как известно, Вебер ввел в научный оборот идею «призвания» (*Beruf* — нем.), которая зародилась как следствие лютеровского перевода Библии. В рамках нового, предложенного М. Лютером взгляда на трудовую этику труд приобрел сакральное значение — как задача, поставленная перед человеком Господом. Согласно Веберу, идея призвания легла в основу протестантской трудовой этики, которая контрастировала с католическим идеалом преодоления мирской морали посредством монашеского аскетизма. Таким образом, протестантская трудовая этика обеспечивала моральное основание капиталистической индустриализации, поддерживая стремление к накоплению богатства.

По существу, Вебер обозначил в своей теории два институциональных механизма экономического развития:

- (1) протестантская этика стимулирует упорный труд;
- (2) протестантская система верований поощряет накопление с целью спасения души, что обеспечивает источники инвестиций и более высокую производительность в долгосрочном периоде.

Однако фактически была обнаружена лишь «зависимость между протестантизмом и экономическим прогрессом».

С. Беккер и Л. Вёсмман предлагают обратить внимание на третий механизм экономического развития: протестантизм стимулирует развитие образования, а более образованный работник (работник с более высоким человеческим капиталом) приносит более высокий доход.

В подтверждении своего объяснения, основанного на теории человеческого капитала, С. Беккер и Л. Вёсманн указывают на тот хорошо известный факт, что Мартин Лютер перевел Библию на немецкий язык, чтобы уйти от римско-католической практики чтения Библии на понятной только образованным людям латыни и дать возможность каждому мирянину понять Слово Господне. Однако не всегда вспоминают о том, что Лютер также активно выступал за развитие образования. Уже в своих ранних проповедях (например, в памфлете 1524 г. «К членам советов во всех городах Германии, чтобы они установили и поддерживали христианские школы») он требовал открыть школы для мальчиков и девочек в каждом городе, чтобы в них они изучали Святое Писание. Именно этот призыв Лютера — научить читать каждого — авторы считают ключевым элементом альтернативной теории экономического влияния протестантизма, поскольку грамотность имеет большое значение для экономической деятельности.

Следует заметить, что сам Лютер никогда не задумывался об экономическом значении своих реформ. Однако вследствие его призыва, содержащегося в памфлете 1524 г., согласно которому основное бремя расходов по содержанию школ должны нести городские власти, а не родители, индивидуальные затраты на обучение в протестантских землях оказались ниже, чем в католических. Лютер, кроме того, требовал, чтобы расходы городского бюджета на обучение обеспечивались не за счет дополнительных налогов, а за счет сокращения расходов правителей на развлечения и роскошь.

Второе обращение Лютера, «Проповедь о содержании детей в школе», сделанное в 1520 г., было адресовано родителям: «Я вижу, — писал он, — что простые люди пренебрегают поддержкой школ и забирают своих детей от учения полностью и поворачивают к заботам лишь о пище и животе, и, кроме того, они не понимают, какую ужасную и не-христианскую вещь они совершают и какой великий и смертельный вред они наносят везде и так служат дьяволу».

В результате этих проповедей ценность образования в глазах протестантов оказалось выше, чем у правоверных католиков. Следовательно, максимизируя индивидуальную полезность, в точке равновесия протестант в среднем выбирал более высокий уровень образования, чем католик.

Германские историки подтверждают сильное влияние Реформации на развитие начального образования<sup>3</sup>. Протестантские города и провинции издавали новые декреты о церкви и школе, в которых провозглашалось универсальное образование для всех детей и требовалось строительство новых школ. Регулярные визиты лидеров Реформации обеспечивали исполнение данных указов.

В специальном разделе своей работы Беккер и Вёсманн проводят сравнительный межстрановой анализ показателей грамотности протестантов и католиков по данным за 1900 г. Для этого они использовали доклад ЮНЕСКО 1953 г., а также данные о грамотности рекрутов и записи актов бракосочетаний (грамотность определялась способностью молодоженов подписать брачный сертификат). По выборке из 22 стран коэффициент корреляции грамотности и протестантизма оказался равен 0,78 при уровне значимости 1%. Все страны, где большинство составляли протестанты, имели почти всеобщую грамотность, которой не достигла ни одна католическая страна, для многих из которых типична малограмотность. Такого же рода данные получены и по внутристрановым исследованиям в США, Ирландии, Финляндии того времени.

### **Прусский case-study**

Для сравнительного изучения влияния эффектов религии и образования Пруссия конца XIX в. представляет, по мнению С. Беккера и Л. Вёсмана, гораздо более удобный объект, чем другие страны.

Во-первых, Пруссия — это место зарождения и центр Реформации, где протестантизм сохранился в своей чистой форме.

Во-вторых, Пруссия — родина М.Вебера, именно там сформировались его взгляды.

В-третьих, в прусских провинциях действуют почти одинаковые законы, установлены схожие институциональные рамки.

В-четвертых, Пруссия четко поделена между католиками и протестантами (последние составляют почти 2/3 населения). Кроме того, пример Пруссии является исключительным в плане гарантирования свободы религии для каждого подданного, по крайней мере, с середины XVIII в.: просвещенный монарх Фредерик Великий еще в 1740 г. провозгласил, что каждый волен спасать свою душу свои путем.

В-пятых, Пруссия с населением в 24,6 млн. чел (в 1871 г.) была одной из крупнейших стран Европы, в ней проживало 60% населения Германской империи.

В-шестых, вошедшие в поговорки прусская склонность к порядку и тщательность обеспечили даже на уровне провинций статистические данные высокого качества для второй половины XIX в.

Данные переписи населения 1871 года свидетельствуют о том, что население страны в это время состояло на 64,2% из протестантов, на 34,5% из католиков, из оставшихся — 1,1% составляли иудеи, на другие христианские верования приходились остальные 0,2%. В Пруссии наблюдались заметные вариации по провинциям: в более чем 75% провинций, по крайней мере, 80% населения составляли протестанты или католики. Распространение протестантизма начиналось от Виттенберга и оставалось в западных провинциях (католические Рейнланд и Вестфалия) и в восточной части Пруссии (где проживало преимущественно польско-католическое население).

При переписи населения в Пруссии в 1871 г. впервые собирались данные о грамотности — люди считались грамотными, если они умели читать и писать. Вопросы задавались гражданам от 10 лет и старше. Средний уровень грамотности в стране составил 87,5%, что отражало высокое качество начального образования в Пруссии второй половины XIX в. Это часто оценивается как ключевой фактор, обеспечивший переход промышленного лидерства от Британии к Германии. В то же время отмечен заметный разброс показателей уровня грамотности (от 37,4% до 99,3%), а в 16% провинций неграмотным было более четверти взрослого населения.

Перепись 1886 г. также сообщает, что 95,5% учащихся посещали школы одной определенной религиозной конфессии. Хотя большинство детей посещали школы своей конфессии, двери были открыты и для детей с другим вероисповеданием.

Финансирование школ в основном осуществлялось независимо от церкви источниками: почти половина средств выделялась местной администрацией, 16,7% составляли взносы родителей, и чуть более 10% поступало от общественных фондов и правительственных грантов. Таким образом, различия в уровнях

образования было обусловлено не только религиозным фактором, но также отношением местных сообществ и администраций.

Пользуясь линейной регрессионной функцией для анализа связи между переменными «доля грамотных в населении провинции» и «доля протестантов в населении провинции», С. Беккер и Л. Вёсмман ввели дополнительные переменные для проверки правдоподобности выдвинутой ими гипотезы. В числе таких переменных были размер провинции, размер семьи, рост населения за последние 4 года, доля населения, для которого нет информации об уровне грамотности, и т.п. Проверялась также гипотеза о влиянии близости столицы провинции к столице Пруссии Берлину, принималась также в расчет предшествовавшая история (из выборки по бывшим свободным и ганзейским городам исключались все прусские земли), учитывались миграционные процессы.

В результате клиометрического анализа немецкие экономисты-историки получили подтверждение гипотезы о сильном взаимовлиянии протестантизма и грамотности. Помимо прочего, ими было обнаружено, что доля протестантов в населении и число учащихся, проживающих далеко от школ, связаны отрицательно, что свидетельствует о более высокой плотности школ в протестантских районах.

### **Клиометрический анализ влияния протестантизма**

Исследуя распространение протестантизма в Германской империи, С. Беккер и Л. Вёсмман обратили особое внимание на мнение историков Реформации, которые сравнивают движение учения Лютера по стране с движением волн, похожих на круги от камня, брошенного в воду (такой образ нравился и самому Лютеру). Центром этого движения был, очевидно, город Виттенберг, где Лютер читал свои проповеди. В соответствии с принятой практикой, начиная с 1535 г., для того чтобы стать протестантским священником в Саксонии, священнослужители должны были лично получить благословение в Виттенберге. Поскольку в то время транспортные системы были слабо развиты, вполне понятно, почему распространение протестантизма зависело от расстояния. Используя F-статистику, немецкие клиометристы показывают, что с каждой сотней километров от Виттенберга доля протестантов в населении уменьшается на 9,5 процентных пунктов.

Обосновывая выводы о влиянии протестантизма на экономическое благосостояние, авторы приняли в качестве независимой переменной расстояние данной земли от Виттенберга (WITT). Далее им было необходимо исключить возможное влияние следующих факторов:

(1) богатство свободных имперских городов (Reichsstädte), которые были основными узлами экономических коммуникаций в годы жизни Лютера; связи с WITT не обнаружено;

(2) богатство свободных ганзейских городов (Ганновер, Кёнигсберг, Магдебург и др.); нет связи с WITT;

(3) урбанизация, обусловленная возможностями производительного агропродовольственного сектора снабжать население городов продуктами питания; с WITT не связано;

(4) показателем, характеризующим уровень образования во времена Лютера, — наличие университетов в данной провинции; исследователи обнаружили, что распределение университетов на прусских землях в долютеранское время практически не имеет связи с расстоянием до Виттенберга;

(5) распределение монастырей, в которых находились библиотеки, что также может служить одним из параметров, влияющих на грамотность, однако и он не коррелирует с переменной WITT;

(6) количество школ, существовавших в провинциях Пруссии до 1517 г., также оказалось не связано с WITT.

Однако все шесть перечисленных переменных оказались статистически значимо положительно связаны с переменной грамотности (LIT). Это можно рассматривать как доказательство ортогональности предложенного авторами инструмента к данным переменным.

Экономические показатели развития прусских провинций (Y) были оценены Беккером и Вёсманном по следующим показателям: налоговые сборы (суммы уплаченного подоходного налога, который составляли так называемый «классовый сбор» и классифицированный подоходный налог); заработная плата провинциальных учителей (она сильно коррелировала с доходом на душу населения в 1877 г. — коэффициент корреляции составлял 0,60); доля населения, занятого в несельскохозяйственном секторе. Эконометрическое подтверждение предложенной Беккером и Вёсманном трактовки экономической истории Пруссии с

точки зрения теории человеческого капитала было получено путем расчета регрессионной зависимости  $Y$  от  $PROT$  (доля протестантов в населении провинции).

С. Беккер и Л. Вёсманн сообщают о похожих результатах, полученных историками для других стран мира, — например, для Англии 1839-1843 гг., для американского штата Айова в 1915 г.

Сравнивая полученные ими результаты с данными современных исследований отдачи от общественных инвестиций в образование (в которых затратами считаются годы учебы в школе), С. Беккер и Л. Вёсманн опираются на тот факт, что в прусских школах дети учились с 5-ти лет. Значит, делают они вывод, так как в исследовании 1871 г. опрашивались только граждане с 10-ти лет, нужно было, как минимум 5 лет, чтобы достичь грамотности. Усредненные расчеты (по данным прошлого века и современным) дают значение показателя отдачи от грамотности на уровне 11% в год; следовательно, за 5 лет обучения человека в начальной школе общество получало отдачу в размере 55% от вложенных средств (и это еще достаточно консервативная оценка, по мнению Беккера и Вёсмманна).

Немецкие клиометристы заключают, что М.Вебер был прав, утверждая, что протестантские земли были экономически более развитыми, чем католические. Однако он был неправ, когда объяснял этот факт влиянием протестантской этики. По мнению Беккера и Вёсмманна, основная часть прироста благосостояния протестантских провинций Пруссии в конце XIX в. была обусловлена ростом грамотности населения, хотя, безусловно, нельзя отрицать влияния протестантской этики на рост грамотности.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Becker G. Replication and Reanalysis of Offenbacher's School Enrollment Study: Implications for the Weber and Merton Theses // Journal of the Scientific Study of Religion. 1997. Vol. 36. № 4. P. 483–495.

<sup>2</sup> Goldin C., Katz L.F. Why the United States Led in Education: Lessons from Secondary School Expansion, 1910 to 1940 // Forthcoming in: David Eltis, Frank D. Lewis, Kenneth L. Sokoloff (eds.), Factor Endowments, Labor and Economic Growth in the Americas. New York: Cambridge University Press, 2002.

<sup>3</sup> См., например: Spranger E. Zur Geschichte der deutschen Volksschule. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1949; Reble A. Geschichte der Pädagogik. 20th edition. Stuttgart: Klett-Cotta, 2002.